

ЧЕТИИ МИНЕИ БРАТЬЕВ ДЕНИСОВЫХ: НОВЫЕ НАХОДКИ

Четии Минеи братьев Денисовых — памятник легендарный. Известно свидетельство историка Выговской пустыни Ивана Филиппова об организующей роли Петра Прокопьева и участии братьев Денисовых в составлении этого обширного свода, о переписке книг лексинскими писицами.¹ О чтении на Выгу составленных здесь Четиих Минеи, как то завещал Петр Прокопьев, писал в 1747 г. Григорий Яковлев, упоминавший «минеи месячные собрания их».²

Единственная работа, посвященная Выговскому житийному своду, — статья Елпидифора Васильевича Барсова «Четии Минеи братьев Денисовых» 1917 г.³ Ее автор — единственный из ученых — имел возможность увидеть эти книги и прояснить их историю. В XIX в. (возможно, в середине века, при закрытии общежительства) они попали в филипповскую среду и находились в Череповце, где 11 их томов (месяца марта уже не было) приобрел в 1864 г. за 400 рублей серебром московский филипповец Андрей Михайлов.⁴ По дороге в Москву одна книга (Минея за май) пропала. Книги числом 10 были пожертвованы на знаменитый Братский двор в Дурном (Дурновском) переулке на Таганке. После того как из комплекта была украдена еще одна книга (месяц январь), настоятельница филипповской общины инокиня Парасковия, в миру Пелагея Потаповна Кокушкина,⁵ перенесла Четии Минеи из часовни в свою

¹ Филиппов И. История Выговской старообрядческой пустыни. СПб., 1862. С. 157.

² Яковлев Г. Извещение праведное о расколе беспоповщины // Братское слово. 1888. № 4. С. 235.

³ Барсов Е. В. Четии Минеи братьев Денисовых // Сборник статей в честь М. К. Любавского. Пг., 1917. С. 663—708. Черновые материалы к этой статье хранятся в архиве Е. В. Барсова: ОПИ ГИМ, ф. 450, оп. 1, № 736, л. 249—332.

⁴ Позже Андрей Михайлов основал филипповскую моленницу в Новой деревне и принял постриг с именем Авраамий. См.: Барсов Е. В. Четии Минеи братьев Денисовых. С. 663; Синодик (филипповский) Братского двора. Рукопись второй половины XIX — начала XX в., с дополнениями середины XX в. Л. 1 об.—2 (Частное собрание). На л. 1 данной рукописи в орнаментальном картуше написано: «Сие поминание Матфея Ивановича Амосова».

⁵ Е. В. Барсов называет фамилию «Белянкина» (Барсов Е. В. Четии Минеи братьев Денисовых. С. 663), однако в документальных материалах, выявленных Т. В. Игнатовой, указывается фамилия «Кокушкина». См.: Игнатова Т. В. К истории московского филипповского центра Братский двор во второй половине XIX — начале XX в. (новые документы из фондов ЦИАМ) // Старообрядчество: история, культура, современность. М., 2009. Вып. 13. С. 50—61. Пелагея Потаповна родилась в г. Медынь Калужской губернии в 1843 г. С 1874 г. стала заведовать филипповской моленной и всем Братским двором. Приняла пострижение малого образа с именем Парасковия. Пользовалась большим авторитетом в филипповской среде. Московские власти неоднократно возбуждали против нее расследования по традиционным антистарообрядческим поводам: совершение «поступков

келью для лучшего сбережения. Однако напасти подстерегали и здесь. Книгу за октябрь она дала на прочтение близкому знакомому, но полиция, проводившая в его доме обыск, рукопись изъяла и передала в Московскую духовную консисторию, откуда матушке Парасковии с большим трудом удалось получить ее обратно. После этого случая она зареклась выдавать кому-либо книги на дом. Именно в келье настоятельницы не позднее 1915 г. занимался с уцелевшими рукописями Е. В. Барсов. Вполне понятно, что ученый работал в стесненных условиях. Ему удалось зафиксировать краткие палеографические сведения и расписать содержание 9-ти томов, приведя названия статей (иногда точные, но по большей части приблизительные), в ряде случаев инципиты и указания на листы тогда, когда рукопись имела старую фолиацию.

С тех пор, т. е. с 1917 г., судьба этого ценнейшего для истории древнерусской агиографии и выговской культуры памятника оставалась неизвестной. Две книги (минеи за сентябрь и июнь) позже попали в собрание Федора Антоновича Каликина,⁶ исследователи обращались к содержащимся в них текстам, однако специального внимания как «сколки» выговского агиографического свода они не привлекали. Остальные книги считались утраченными, и полное, детальное изучение Четиих Миней братьев Денисовых не представлялось возможным.

История находки нами еще шести томов именно этого комплекта заслуживает отдельного рассказа.

Предыстория описываемых событий восходит к 1994 г., когда на выставку «Неизвестная Россия», подготовленную коллективом сотрудников Государственного исторического музея к 300-летию Выговского общежития,⁷ пришел маленький, согбенный, весь в черном старообрядец, сказавший, что он филипповец с далекого Севера. Мы посмотрели с ним выставку — и на этом расстались. Вновь я встретила его восемь лет спустя, в Каргополе, на научной конференции. Он сам подошел ко мне и напомнил о нашей прежней встрече. С этого времени завязалось более тесное знакомство. Михаил Юрьевич Орловский (25.07.1948 — 23.04.2010) (ил. 1, 2) интересовался Выгом, рукописями, иконами, медным литьем. Постепенно расширялся спектр нашего общения: Михаил Юрьевич стал вести беседы по истории старообрядчества, по вопросам вероучения и отношения согласий, приобретать современную научную лите-

против веры», «совращение в раскол», незаконный ремонт моленной. Современники отзывались о П. П. Кокушкиной как о «женщине изрядного ума, настолько знающей законы и опытной в судебных делах, что может быть советницей для известных адвокатур» (цит. по: *Игнатова Т. В.* К истории московского филипповского центра Братский двор... С. 50—51). В 1915 г. инокиня Парасковия была убита при невыясненных обстоятельствах, о чем в статье 1917 г. сообщил Е. В. Барсов: «Года два тому назад мать Параскева была кем-то убита в своей келье, но полицейское дознание не обнаружало убийцы. Еще ранее было на нее покушение, но за случайным выходом ее из кельи вместо нее была убита ее послушница; это убийство также не было раскрыто» (*Барсов Е. В.* Четии Миней братьев Денисовых. С. 664). В Синодике Братского двора как убиенные записаны одна за другой инокини Марфа и Парасковия (Синодик (филипповский) Братского двора. Рукопись. Л. 4 об.—5 (Частное собрание)). Первая из упомянутых инокинь, в миру Евфросиния Ивановна, скорее всего, и есть келейница матушки Парасковии. Как убиенная инокиня Парасковия записана и в другом филипповском помяннике («Калмыковых») конца XIX в. (Частное собрание. Л. 5).

⁶ БАН, собр. Ф. А. Каликина, № 60, 61. По всей видимости, Ф. А. Каликин получил эти рукописи в Москве, у московских филипповцев.

⁷ См. каталог выставки: Неизвестная Россия: К 300-летию Выговской старообрядческой пустыни / Отв. ред. Е. М. Юхименко. М., 1994.

ратуру и даже ездить на научные конференции. И лишь спустя еще несколько лет он предложил Историческому музею купить кое-что из его книг. Он сам привозил книги в Москву и как-то обмолвился, что хорошо бы к нему приехать, посмотреть на месте. И добавил, что у него есть рукописные Четии Минеи, при этом не было ясно, шла ли речь об одной книге или о нескольких. Хотя Михаил Юрьевич говорил о древности рукописи, у меня возникла мысль: а не выговские ли это Четии Минеи, тем более что их владелец, по сути, остался «последним филипповцем» московской филипповской общины и в Каргополь переехал из Москвы. Опущу все подробности поездки в заброшенную каргопольскую деревню (вполне достойные художественного изложения) и лишь скажу, что это оказались те самые Четии Минеи братьев Денисовых, которые видел Е. В. Барсов. В результате книги были приобретены Государственным историческим музеем и теперь находятся на постоянном государственном хранении.⁸

Таким образом, благодаря этой счастливой находке нам предоставляется возможность по-настоящему изучить выговские Четии Минеи.

Напомню, что в начале XX в. в комплекте недоставало уже трех томов (январь, март, май), ныне не хватает еще августа. Восемь томов, всестороннее палеографическое, кодикологическое и источниковедческое изучение которых мы намерены предпринять, по своему объему дают полное представление обо всем своде в целом. В настоящей статье изложены результаты начального этапа этого исследования.

Четии Минеи братьев Денисовых — объемные рукописи форматом во 2-ю долю листа, написанные выговскими полууставными почерками, переплеты — доски в тисненой коже, обрез блока окрашен. Количество листов в томе, как правило, — более пятисот; крайними по количественным показателям являются том за февраль (310 л.) и за ноябрь (704 л.). Е. В. Барсов датировал все тома широко — XVIII веком. Теперь мы можем уточнить: два тома из восьми (октябрь и декабрь) написаны на рубеже 80—90-х гг. XVIII в., и являются копиями с более ранних оригиналов. Шесть книг датируются временем составления свода — 10-ми годами XVIII в. Использована бумага голландского производства преимущественно с филигранями «Герб города Амстердама» и «Семь провинций» в нескольких вариантах, которые, хотя и имеют широкий разброс датировок, но вполне укладываются в означенный временной промежуток. Почти каждый том украшен роскошной выходной заставкой-рамкой и большим инициалом поморского орнамента — соответственно времени рукописи — раннего и классического типа (ил. 3, 4).

Е. В. Барсов в своей статье приводил запись писца (или писицы) в февральском томе, позволяющую датировать его составление 7221—7223, т. е. 1713—1715 гг.⁹ (ил. 5). Исследователь с сожалением писал, что выходной лист имелся и в сентябрьской минее, но был «вырван какой-то варварской рукой».¹⁰ Действительно, на соседнем листе зеркально отпечатались начала строк, из которых видно, что по содержанию и объему запись была близка записи в февральском томе, также содержала просьбу об исправлении ошибок и прощении.¹¹ Однако

⁸ ГИМ, Музейское II собр., № 84—89.

⁹ Барсов Е. В. Четии Минеи братьев Денисовых. С. 678.

¹⁰ Там же.

¹¹ БАН, собр. Ф. А. Каликина, № 60, л. 466 об.

подобный лист был также в ноябрьском томе (о чем в статье 1917 г. не сказано), и он был вырван рукою Е. В. Барсова, поскольку сохранился в коллекции рукописей самого ученого. Это послесловие писца отодвигает начало переписки всего кодекса к 1712 г.: «Начася писати сия святая книга Минея Четья ноябрьская в лета от создания мира осмыя тысящи двусотном и двадесятому текущу (т. е. 7220 = 1712), соверши же ся в 7223 (1715) лето во общежителстве Пантократорове в полунощной стране близ окиянского понта».¹² Таким образом, эти записи свидетельствуют, что Четии Минеи писались в течение четырех лет, с 1712 по 1715 г.

Кодикологические наблюдения над рукописями прежде всего указывают на то, что Четии Минеи братьев Денисовых не были просто списаны с какого-то предшествующего оригинала, а являются итогом самостоятельной и поражающей своим масштабом работы выговских книжников. Иван Филиппов свидетельствовал, что главным движителем этого начинания был Петр Прокопьев: он «вельми печашеся, збираше жития святых и списываше, и набираше во всех месяцах, чтоб собрать Минеи Четии».¹³ Однако, надо полагать, этого первоначально собранного в Выговской пустыни материала было недостаточно. Петр Прокопьев, как писал выговский историк, приказывал Андрею и Семену Денисовым в их поездках «списывати и искати, и они списываше и искаше».¹⁴ Лексинские писицы, согласно тому же источнику, переписывали уже выработанным полууставным почерком эти разнородные списки. Как мы знаем, выговцы получили возможность выезжать за пределы Обонежья после приписки общежителства к Олонецким заводам в 1703 г.; особенно участились эти поездки после 1705 г., с началом неурожайных годов. Таким образом, уже в это время, т. е. в первое десятилетие XVIII в., братья Денисовы могли активно помогать Петру Прокопьеву в воплощении в жизнь его идеи. На длительность процесса составления Четиих Минеи указывает и писцовая запись в февральском томе: «Собирася от различных книг многими времяны многотрудием и радением Даниила и Андрея, старейших того общежителства, паче же Симеоновым тщанием и уставщика Петра Прокопьева недостойнаго. Потрудившии же ся в начертании сея смиренней немощней руке девственных лиц...»¹⁵

Все эти собранные из различных источников материалы были систематизированы по календарному принципу самим инициатором проекта — Петром Прокопьевым, который, по свидетельству уже упоминавшегося современника, «сам собираше и труждашеся, и собра дванадесять книг миней».¹⁶

Эти письменные сведения полностью подтверждает кодикологический анализ шести ранних томов.

Лексинские писицы переписывали жития в отдельные тетради, поэтому в Четиих Минеях большинство произведений начинаются с лицевой стороны листа. Иногда переписчицы сразу соединяли в один блок несколько сочинений, посвященных одному празднику или одному святому или относящихся к двум соседним дням, и переписывали их друг за другом в одну или несколько тетра-

¹² РГБ, собр. Е. В. Барсова, № 994.1.

¹³ *Филиппов И.* История Выговской старообрядческой пустыни. С. 157.

¹⁴ Там же.

¹⁵ РГБ, собр. Е. В. Барсова, № 994.1.

¹⁶ *Филиппов И.* История Выговской старообрядческой пустыни. С. 157.

дей как единое целое. Так, объединены слова на Крестовоздвижение, слова на Сретение Господне, Житие и похвальное слово Иосифу Волоцкому и другие. Однако в тома включались и ранее переписанные набело материалы. Например, при том, что основной массив бумаги в февральском томе по филиграниям попадает в 1710-е гг., есть несколько отдельных тетрадей, написанных на более ранней бумаге, которая больше в томе не встречается. Это тетрадь с текстом Жития князя Георгия Всеволодовича Владимирского (водяной знак 1704 г.) и блок из трех тетрадей с Житием и похвальным словом Димитрию Прилуцкому (две филиграния 1692 и 1694 гг.).

Есть несколько примеров исправлений и добавлений, свидетельствующих о том, что процесс составления свода продолжался и во время переписки материала (ил. 6). К примеру, в конце июльского тома добавлены статьи за 3-е, 8-е и 12-е числа (это памяти Никодима Кожеозерскаго, Прокопия Устюжского и Арсения Новгородского).

В рукописях мы можем обнаружить примеры заключительного этапа работы Петра Прокопьева. Поскольку сочинения переписывались из разных источников, в том числе с отдельных списков, в заглавиях которых отсутствовало необходимое указание «Такого-то месяца в такой-то день», то составитель свода, заметив подобный недочет, собственноручно вписывал над киноварным заглавием статьи и в колонтитулах недостающие указания (ил. 7).

Апрельский том сохранил выполненное рукою Петра Прокопьева первоначальное оглавление рукописи — оно оказалось вплетенным в конец (ил. 8), тогда как в начале рукописи на бумаге 1740-х гг. имеется новое, более полное оглавление, составленное перед переплетением кодекса. Думается, с составленных Петром Прокопьевым «выходных сведений» были скопированы сохранившиеся писцовые записи, именно по этой причине только к нему прилагается эпитет «недостойный».

Иван Филиппов указывал на то, что Петр Прокопьев не только составил Четию Минею, но и «написа, чтоб на всяк день почитати на утрени и на жертвенниках; которыя книги его собрания и ныне в монастыре читаются по вся дни».¹⁷ Здесь речь идет о церковном уставе Выговской пустыни, в котором, действительно, находим указания о чтении редких текстов (в Четиих Минеях они есть) и даже прямые отсылки к агиографическому своду. Например, 13 сентября предписывалось «за столом» чтение Обновлению Храма Воскресения Господня в Иерусалиме,¹⁸ 9 февраля — чтение на трапезе толкового канона Сретению (этих произведений нет даже в Успенском списке Великих Миней Четиих, но в Выговский свод они вошли). Под 27 сентября (память Савватия Соловецкого) записано: «на зазвонной статию чтение святому. О житии его въкратце. Писанное въ минѣи сентябрьской».¹⁹

В настоящее время, располагая подлинными томами Четиих Миней братьев Денисовых, можно приступить к выяснению источников этого обширного свода. Уже первичный просмотр материала и сравнение состава статей с Со-

¹⁷ Филиппов И. История Выговской старообрядческой пустыни. С. 157.

¹⁸ Устав: Круг вселетнаго богослужения Поморскаго Выгорецкаго монастыря. Саратов, 1913. Л. 32 об.

¹⁹ Там же. Л. 42.

фийским и Успенским списками Великих Миней Четиих митрополита Макария позволили выявить несколько принципиальных моментов.

Основой, своеобразным «каркасом» для составления выговского свода стал Софийский список Великих Миней Четиих. Напомним свидетельство Жития Андрея Денисова о том, что в 1713 г. Семен Денисов был послан в Новгород «особливо для достижения Великих Миней Четых Макариевских».²⁰ Объем памятей нерусским святым в Выговских минеях не превышает объема в Софийских томах; дни, оставшиеся незаполненными в первом комплекте Великих Миней Четиих, остаются таковыми и в Выговском своде; кроме того, совпадает большинство текстов, посвященных нерусским подвижникам. Вместе с тем на Выгу было несколько сокращено количество похвальных и поучительных слов на двенадцатые праздники, опущены некоторые большие сочинения, не относящиеся к обязательному календарному чтению, такие как «Маргарит» (10 сентября), «Книга о небесном священноначалии» Дионисия Ареопажита (3 октября), 22 слова и «Главизны» Григория Нового Богослова, «Добротолюбие» Григория Синаита, «Главизны» Макария Египетского (11 февраля), а также дополнительные статьи, помещавшиеся в конце томов.

Эти сокращения вполне объяснимы. Перед Петром Прокопьевым не стояла задача собрать «все книги, чтые на Руси». Первый уставщик Выговской киновии стремился составить книги, исходя из потребностей общежития и возможностей монастырского чтения. Его заботила не столько полнота чтений одного дня, сколько обеспечение текстами всех необходимых дней памяти.

Проводя сравнительный анализ Четиих Миней братьев Денисовых с предшествующей традицией, нельзя не заметить очевидного желания составителя включить в свод как можно больше текстов, посвященных русским святым. Прославление сонма русских святых имело для поморцев особое значение: оно подчеркивало непрерывность сохраняемой старообрядцами церковной традиции. Выговцы целенаправленно собирали жития, изображения и устные предания о русских, в особенности местночтимых святых. Впечатляющие результаты этой работы нашли отражение в «Слове воспоминательном о святых чудотворцах, в России воссиявших» Семена Денисова, в созданной Даниилом Матвеевым уникальной иконографии Образа российских чудотворцев и в текстах похвальных слов русским святым выговских авторов.²¹ В этом же ряду примеров творческого освоения древнерусского наследия стоит и пополнение состава выговских Четиих Миней житиями русских святых. Сюда включены памятники, которые можно было разыскать только в отдельных списках — их не включали Макариевские Миней. В ноябрьском томе, в частности, находим Слово об обретении мощей архиепископа Новгородского Ионы (5 ноября), Слово похвальное Варлааму Хутынскому Пахомия Логофета (6 ноября), «Страдание в Орде князя Михаила Ярославича Тверского» (22 ноября), Сказание о явлении

²⁰ РГБ, собр. Е. В. Барсова, № 156, л. 118.

²¹ См.: Юхименко Е. М. 1) Агиологические разыскания выговских старообрядцев и образ всех российских чудотворцев // XIV Научные чтения памяти Ирины Петровны Болотцевой: Сб. ст. Ярославль, 2010. С. 152—167; 2) «Слово воспоминательное о святых чудотворцах, в России воссиявших» Семена Денисова как отражение культурно-агиологических начинаний Выга // ТОДРЛ. СПб., 2010. Т. 61. С. 329—344; 3) Почитание Зосимы и Савватия Соловецких в Выговской старообрядческой пустыни // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 48. 351—354.

великого князя Всеволода, Новгородского и Псковского чудотворца, и о перенесении его мощей в Троицкий собор (27 ноября).

Е. В. Барсов считал, что в Четиих Минеях братьев Денисовых «нет ничего специально старообрядческого».²² Ученый прав лишь в том смысле, что в своде нет текстов, посвященных собственно старообрядческим подвижникам, но само это начинание и принципы его выполнения есть яркое проявление программы выговского культурного строительства.

Составление Четиих Миней явилось одним из самых значительных книжных начинаний выговского старообрядческого центра: наряду с собиранием библиотеки, составлением Поморского Торжественника и собрания сочинений Максима Грека, Четию Минею отразили фундаментальные черты выговской культуры с ее тяготением к самодостаточности, освоению и сохранению древних источников, сбережению старого церковного обихода.

²² Барсов Е. В. Четию Минею братьев Денисовых. С. 677.